

ІСТОРІЯ
КИЇВСЬКОЇ
ДУХОВНОЇ
АКАДЕМІЇ

Игумен Маркелл (Павук)

**Жизнь и деятельность
профессора Киевской
Духовной Академии
Василия Федоровича
Певницкого**

В Древнем Патерике рассказывается, как некто спросил авву Антония: «Что мне нужно соблюдать, чтобы угодить Богу?» Старец ответил: «Соблюдай, что заповедаю тебе. Куда бы ты ни ходил, всегда имей Бога пред своими очами; что бы ты ни делал, имей на это основание в Божественном Писании, и в каком бы месте ни находился, не скоро отходи оттуда. Соблюдай сии три заповеди и спасешься». С первого раза может показаться, что эти духовные наставления невозможно исполнить в мирской жизни с её многозаботливостью и суетой. Тем не менее, во все времена были люди, которые старались хотя бы в малой мере следовать этим правилам, уклоняясь от участия в гонке за призраками земного счастья. Несмотря на искушения и соблазны, они сохраняли постоянство и спокойствие духа, и всё, к чему бы ни приступали, они старались делать во славу Божию, то есть основательно, надежно, тщательно, как говорится, на веки вечные.

Такой личностью был заслуженный профессор Киевской Духовной Академии Василий Федорович Певницкий, посвятивший преподаванию в нашей духовной школе более 50 лет жизни. «В этот длинный период я был, — пишет он о себе в своих “Воспоминаниях”, — непосредственным свидетелем текучей, изменяющейся жизни Академии... Много пришлось мне пережить, испытать и перечувствовать, немало и потрудиться. Но о себе, о своей личной жизни я не могу говорить отдельно от Академии. Моя личная жизнь и деятельность, как малая единица, сливается с жизнью Академии и ею поглощается»¹. Продолжительные и самоотверженные труды профессора принесли добрые изобильные плоды. «Под опытным руководством его воспиталось несколько поколений молодых богословски образованных людей, через которых он сильно и заметно действовал на все русское образованное общество, на всю

¹ Певницкий В. Ф. Мои воспоминания // Труды Киевской Духовной Академии. 1911. № 6. С. 95.

духовную Русь»². Доктор богословия Московской Духовной Академии, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, член-корреспондент Императорской Академии наук, профессор Николай Никанорович Глубоковский пишет, что после эпохи схоластического схематизма профессор В. Ф. Певницкий внес в гомилетическую науку новую струю. Ей она обязана многочисленными и солидными вкладами теоретического и практического характера³.

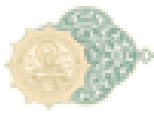
Профессор трудился не только в области богословия. Он жил в эпоху реформ всех сторон общественной жизни и своей деятельностью стремился противостоять процессу секуляризации общественного сознания, одним из последствий которого стал наметившийся в ту пору глубокий разрыв между духовным и светским образованием. Также он видел перед собой задачу не только поддержать и защитить православную истину, но и распространить её среди тех сфер, которые «относятся к ней с отрицательным невниманием»⁴. Будучи редактором популярного в народе журнала «Воскресное чтение», он всегда живо откликался на все проблемы современного ему общества, старался переосмыслить их с христианских позиций. Он считал, что Церковь и духовная школа должны выйти из своего уединения и войти в мир, проникшись всей сложностью жизненных интересов и трудностей секуляризованного общества. Познание веры не может быть только задачей священства, потому что жизнь по вере есть всеобщая заповедь. И, наверное, не случайно Промыслом Божиим было так устроено, что сугубо пастырские предметы в Киевской Академии, гомилетику и пастырское богословие, полвека преподавал профессор, который не имел священного сана.

В XX веке богатое наследие профессора В. Ф. Певницкого, в силу известной непростой исторической ситуации для отечественной богословской науки, долгое время лежало под спудом. На протяжении семи десятилетий безбожия, в условиях проводимой советским режимом жёсткой атеистической пропаганды, развитие активного проповедничества не только не поощрялось, но и преследовалось. Большинство пастырей были вынуждены сохранять невольное затворничество и молчание. Зато наследие профессора В. Ф. Певницкого оказалось востребованным за рубежом: архиепископ Аверкий (Таушев) положил в основу своего «Руководства по Гомилетике» самый большой его труд — «Церковное красноречие и его основные законы». В незначительной мере его труды использовали при написании своих «Гомилетик» преподаватели

²Титов Ф. И., прот. Заслуженный ординарный профессор Киевской Духовной Академии Василий Федорович Певницкий (некролог) // Труды Киевской Духовной Академии. 1911. № 6. С. 145.

³Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. М. 2002. С. 35.

⁴Певницкий В. Ф. Речь о судьбах богословской науки в нашем Отечестве // Труды Киевской Духовной Академии. 1869. № 11–12. С. 210.

Московской Духовной Академии протоиерей Александр Ветелев (Москва, 1949) и архиепископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Сергиев Посад, 1999). В целом же, на сегодняшний день можно констатировать, что глубокого систематического исследования богословского наследия профессора В. Ф. Певницкого так никто и не предпринял.

Эта лакуна требует заполнения, поскольку труды профессора могли бы стать значительным подспорьем для современных пастырей, стремящихся распространить проповедь Слова Божия на как можно большее число людей. В секулярном, перенасыщенном неправдивой и поверхностной массовой информацией мире, сквозь назойливо шумную разногласию человеческого сердца может достичь только властное и живое слово проповедника, растворенное благодатью Божией, исходящее от любящей души.

Как приготовить такое слово, какими законами церковного красноречия руководствоваться? Обобщив и переосмыслив опыт многих поколений православных и инославных (католических и протестантских) гомилетов и проповедников, профессор В. Ф. Певницкий дает на эти вопросы самые исчерпывающие ответы. При этом, еще раз повторим, его гомилетические труды нисколько не устарели⁵.

О жизни профессора мы узнаем из его «Воспоминаний», которые он писал в последние годы своей жизни и которые, как он говорил по своему смирению, предназначались «не для широкой публики, а для близких людей». Часть «Воспоминаний» была напечатана посмертно, в 1911–1912 гг., в «Трудах Киевской Духовной Академии». Довольно подробно и с большой любовью описал жизнь профессора его коллега, профессор Киевской Духовной Академии протоиерей Феодор Иванович Титов. Первое жизнеописание появилось в «Трудах Киевской Духовной Академии» в 1905 году и было посвящено 50-летию преподавательской деятельности В. Ф. Певницкого, а второе было опубликовано в 1911 году в качестве некролога. В Центральном Государственном Историческом Архиве Украины сохранился послужной формулярный список, по которому также можно проследить все основные этапы жизни профессора до 1897 года⁶. Важным источником для описания жизни и деятельности профессора являются его многочисленные публикации в академическом журнале «Труды Киевской Духовной Академии» и в других церковных изданиях.

⁵Время, в которое жил профессор В. Ф. Певницкий во многом напоминает наши дни. Разве не актуальны ныне слова из проповеди профессора В. Ф. Певницкого, которые он произнес на Пасху в Великом посту 1906 года: «И не в пренебрежении ли у нас святой Завет Божий? Есть остаток верных этому Завету, и может быть остаток не малый. На шумном попрании мира их тихий голос заглушается криками людей, отвращающих слух от истины веры и мудрствующих по стихиям мира».

⁶ЦГИАК Украины. Ф. 711. Оп. 1. Д. 10942.

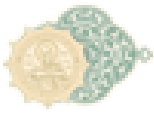

Но, как сказал о В. Ф. Певницком профессор М. Э. Поснов, «нужен целый сонм добрых свидетелей, чтобы рассказать эту длинную, в высшей степени плодотворную и добродетельную жизнь редкого человека, талантливого ученого, выдающегося профессора, блестящего оратора и доброго христианина... Вся жизнь Василия Федоровича отличалась какою-то особую простотою и естественностью. Он жил и действовал без всякого напряжения. Он жил, как бы прислушиваясь или повинуюсь внутреннему голосу, и действовал так, что для всех было ясным, что он не мог поступать иначе. Он всегда был самим собою. Это в особенности показали мрачной памяти 1905–1906 годы. Сколько тогда потерпело крушение людских характеров, дотоле считавшихся сильными, благородными!... Но Василий Федорович остался верен себе. Он не склонил своего знамени. Все усилился вырвать у него знамя кончились ничем. Действительно, славная жизнь! Эта жизнь как лучезарное светило обогнула небесный свод в самый большой день. Хороша была эта жизнь на заре, удивительна и увлекательна в полдень, возбуждающая умиление, почти благоговение к вечеру»⁷.

В. Ф. Певницкий родился 29 февраля 1832 года в Васильевском Погосте Владимирской губернии в семье священника Феодора⁸. Всего в семье священника воспитывалось пятеро детей. По сравнению с другими детьми у новорожденного Василия здоровье было весьма слабым, и у родителей мало было надежда, что он выживет, но Господь судил иначе. Первоначальное образование и воспитание Василий получил в родительском доме. Отец обучил детей не только элементарной грамоте, чтению и письму, но и преподавал начальные основы Закона Божия, краткий Катехизис и Священную историю. Дома дети также изучали арифметику, чтение по-гречески и по-латыни. Мать его была неграмотной, но очень благочестивой женщиной, старавшейся в точности исполнять все церковные уставы. В этом же духе она воспитывала и своих детей. По воспоминаниям Василия Федоровича, у всех детей по внушению родителей было большое усердие к Церкви. В воскресные и праздничные дни нельзя было пропустить ни одного Богослужения: это считалось великим грехом. В 9-летнем возрасте родители отдали Василия для обучения в Муромское духовное училище, куда он поступил сразу во 2 класс. Учение Василию давалось легко, он всегда считался лучшим учеником класса. За свое хорошее поведение он пользовался особой любовью учителей и товарищей.

⁷Поснов М. Надгробное слово // Труды Киевской Духовной Академии. 1911. №6. С. 196, 199.

⁸Дед Василия, иеромонах Ириней, был настоятелем Вязниковского Благовещенского монастыря. После смерти отца и матери будущего профессора он взял на себя заботы о воспитании внука. Брат Василия, Димитрий, стал протоиереем церкви в честь Гребневской иконы Божией Матери в Москве. Дядя, Петр Иванович Смирнов, был священником с. Верхозерья. Двоюродный дядя, отец Феотим, был настоятелем Суздальского Васильевского монастыря. См.: Певницкий В. Ф. Мои воспоминания. С. 279.

В 1844 году, когда Василию исполнилось 12 лет, умер его отец священник Феодор, а еще через год упокоилась его мать Евгения. Таким образом, уже в малолетстве Василий вынужден был нести крест сиротства и терпеть связанные с этим разного рода лишения. «Мне не особенно привольно жилось на родине в дни детства и юности: на мою долю досталось больше горя, чем радости», — вспоминал уже на закате своей жизни В. Ф. Певницкий.

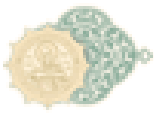
В 1846 году Василий поступил во Владимирскую духовную семинарию, в которой он, как круглый сирота, жил на казенном содержании в так называемой бурсе. Интересно, что о своем обучении в семинарии Василий Федорович вспоминает в самых светлых тонах⁹. «Я всегда хранил и храню самые светлые чувства к родной семинарии. Ей я обязан тем, что вышел в люди. Я не могу и вообразить, что было бы со мною, если бы она не приняла меня и не дала надлежащего воспитания. Она дала мне, или, точнее, укрепила во мне, твердое христианское направление, вынесенное мною в детские годы из родительского дома, следуя которому, я сохранил себя в последующей жизни от опасных заблуждений. Она приучила меня к труду. От неё я получил добрые прочные зачатки учено-литературной деятельности, которая была главным занятием на моем жизненном пути»¹⁰.

Хотя семинарское общежитие находилось в другой части города, и своё начальство воспитанники видели здесь не часто, но они во всем поддерживали образцовый порядок, нарушений дисциплины среди них почти не замечалось. Такому доброму настрою семинаристов способствовал сам состав преподавательской корпорации. Всех преподавателей и наставников Василий Федорович в своих «Воспоминаниях» характеризует только с самой лучшей стороны.

В свою очередь и наставники давали самые положительные отзывы о своем ученике. Например, преподаватель словесности А. И. Розов говорил о В. Ф. Певницком так: «Это у меня гений». А учитель философии М. В. Тихонравов в письме к Н. И. Субботину писал о В. Ф. Певницком: «Из всех лучший ученик, о котором сердце мое радуется — бурсачек малютка Певницкий». Действительно, родившись слабеньким, Василий рос и физически развивался очень медленно и в начальных классах семинарии был самым низкорослым учеником. Но он начал стремительно прибавлять в росте, достигнув восемнадцатилетнего возраста. К моменту окончания семинарии это уже был статный юноша, выше среднего роста.

⁹ Время, в которое учился В. Ф. Певницкий в семинарии, было почти то самое, которое описано в пресловутых рассказах о бурсе Помяловского, Ростиславова, Беллюстина и других, но тех ужасов, безобразий, жестокостей и бесчинств, какие изображаются у этих авторов, он не заметил.

¹⁰ Титов Ф. И., прот. Указ. соч. С. 151.

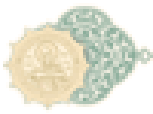
Как лучшего и самого даровитого ученика В. Ф. Певницкого семинарское начальство намеревалось отправить для продолжения учебы в Московскую Духовную Академию, но, поскольку его старший брат Димитрий учился в Киевской Духовной Академии, он упросил ректора отправить его в Киев¹¹. Просьба была удовлетворена, и в возрасте 19 лет, в 1851 году, Василий поступает в Киевскую Духовную Академию. В то время там трудилось много замечательных пастырей и преподавателей. Ректором Академии был духовный преемник архиепископа Иннокентия (Борисова) архимандрит Антоний (Амфитеатров). В числе профессоров были такие выдающиеся наставники, как Д. В. Поспехов и П. Д. Юркевич (оба философы), Н. А. Фаворов (преподаватель церковной словесности), будущий митрополит Московский Иннокентий (Руднев) и отец Филарет (Филаретов) (специализировавшиеся в богословских науках). Над всею же Академиею веял смиренный дух мудрого архипастыря, строгого аскета и милостивого начальника святителя Киевского Филарета (Амфитеатрова), чьи святые мощи ныне почивают в Дальних Пещерах Киево-Печерской Лавры.

В такой доброй духовной атмосфере воспитывался В. Ф. Певницкий. Но на первом году обучения его вера была подвергнута испытанию тяжелой, едва не оказавшейся для него смертельной, болезнью. Осенью 1852 года он переболел тифом. По приказанию ректора Академии архимандрита Антония (Амфитеатрова) больного причастили Святых Христовых Таин, и болезненный кризис стал отступать, силы начали возвращаться. Свое исцеление от болезни Василий приписывал только действию благодати, которая была преподана ему через таинство Причастия. Во все последующее время своей жизни В. Ф. Певницкий чувствовал себя вполне крепким, серьезно почти не болел и лечиться не любил¹².

Так же, как и во Владимирской духовной семинарии, во время обучения в Киевской Академии Василий выделялся среди своих товарищей образцовой успеваемостью. Его сочинения всегда удостоивались самых лучших отзывов профессоров. По собственному признанию Василия Федоровича, во время учёбы в Академии его характер отличался чрезвычайной скромностью и застенчивостью. Это давало повод некоторым

¹¹Свое первое впечатление об Академии в своих «Воспоминаниях» В. Ф. Певницкий описывает так: «Мы приехали 14 августа 1851 года на рассвете. Когда мы подъехали к Братскому монастырю, где находится Академия, и вступили в ограду монастыря, нас первое всего поразили здесь толпы богомольцев, которые разлеглись на траве и спали. Ко дню Успения в Киев собираются тысячи богомольцев, и для всех их не находится места в гостиницах, и они разбредаются по монастырям, и на траве на открытых местах устраивают свой ночлег. В академический корпус, где жили студенты, мы вошли, когда ещё все спали. Сонный служитель взял и отнес наши вещи в свободный номер, в котором, сказал он, мы могли иметь временное помещение... Так я водворился в Академии, с которою с тех пор не расставался до последних лет своей жизни...» См.: Титов Ф. И., прот. Указ. соч. С. 152–153.

¹²Там же. С. 168.

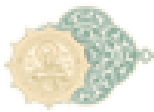
наставникам думать и ожидать, что В. Ф. примет монашеский постриг. Окончив курс Академии с блестящими результатами и получив звание магистра богословия, В. Ф. Певницкий был избран в 1855 году бакалавром Киевской Духовной Академии по кафедре общей словесности. В этой должности он был утвержден Священным Синодом 6 ноября 1855 года. На преподавательскую деятельность его благословил митрополит Киевский святитель Филарет (Амфитеатров), пожелавший при этом молодому преподавателю, чтобы он оправдал те надежды, какие возлагает на него академическое начальство¹³. Интересно, что во время обучения Василий Федорович не проявлял особой любви к предмету, который он теперь должен был преподавать (а общая словесность была основной дисциплиной на первом курсе Академии), тем не менее его лекции, по отзыву студентов, отличались новизной взгляда, широтой анализа и, будучи поданы в безупречном ораторском стиле, производили на всех сильнейшее впечатление¹⁴. На втором году службы в Академии Василию Федоровичу поручили исполнять должность помощника инспектора, которую он занимал три года, с 16 октября 1856 года до 20 ноября 1859 года¹⁵.

Активная преподавательская и научная деятельность не помешала устройству его личной жизни. Как вспоминает Василий Федорович, в начале своей преподавательской деятельности по своей застенчивости и робости он чуждался городского общества, не любил участвовать

¹³ Певницкий В. Ф. Мои воспоминания. С. 101. Святитель Филарет (Амфитеатров) всегда зорко следил за тем, чтобы обучение в Академии шло в консервативном духе. Он даже не ленился проверять проповеди и сочинения студентов Академии.

¹⁴ «Никто не понуждал нас посещать твоих лекций, являлись мы всегда сами, боясь пропустить хоть одну из них. Просто и ясно, как проста и ясна была твоя душа, но вместе с тем одушевленно и плавно лилась твоя речь, согретая одинаковою любовью и к науке и к нам, твоим слушателям. Было очевидно, что аудитория живет одною жизнью, что профессор и его слушатели одушевлены одною целью... Богатая научная эрудиция и широкая жизненная наблюдательность придавали твоей речи силу очевидности и бесспорности...» Малинин В., проф. Надгробное слово // Труды Киевской Духовной Академии. 1911. № 6. С. 194.

¹⁵ Как вспоминает В. Ф. Певницкий, средства содержания в Академии были очень скромными... «Бакалаврского жалованья мы получали всего 321 рубль в год, чуть позже — 429 рублей в год. Но мы нужды не терпели, пользуясь казенною даровою квартирою. Тогда цены на все потребное для домашнего обихода были совершенно другие. Фунт мяса, например, стоил всего 4 копейки, пара цыплят 15 копеек, сажень дров 4 рубля... Прислуга получала около двух-трех рублей и довольствовалась такою платою... Стол у нас был очень хороший и обходился он нам около пяти рублей в месяц. Обед нам готовил особый повар, который прежде служил в богатых домах... Мы, впрочем, не оставались на одном бакалаврском окладе, но получали различные воспокобления к нему... каждому получившему в Академии степень магистра ежегодно выдавалось 100 рублей... Другим воспокоблением служило занятие какой-либо побочной должности в Академии. Для молодых наставников особенно пригодились должность помощника инспектора... Оплачивалась эта должность 114 рублями... Другим поручалось преподавание французского или немецкого языка, за что тоже давалось вознаграждение...» Певницкий В. Ф. Мои воспоминания. С. 112–114. В 1897 году заслуженный профессор В. Ф. Певницкий получал жалование в размере 3729 рублей. См.: ЦГИАК Украины. Ф. 711. Оп. 1. Д. 10942.

в академических собраниях и шумных застольях, не умел танцевать; в отличие от других преподавателей Академии он никогда не курил, строго придерживался устава постов. Поэтому Ректор Академии архимандрит Антоний (Амфитеатров) стал активно сам и через молодого бакалавра иеромонаха Иоанникия (Руднева) склонять его к принятию монашества. В качестве аргумента выдвигались преимущества иноческой жизни не только духовного характера, но и меркантильного, обещался быстрый карьерный рост. Но Василий Федорович нисколько не искусился заманчивым предложением. Как он вспоминает, почти против своей воли он был вовлечен в общение с некоторыми киевскими семействами. Особенно он подружился с семейством протоиерея Киево-Софийского собора, преподавателя Университета святого Владимира Ивана Михайловича Сковрцова, где собиралось довольно разнообразное общество. Здесь он обрёл себе преданного друга на всю жизнь: в 1859 году Василий Федорович женится на дочери протоиерея Клавдии Ивановне Сковрцовой¹⁶, и в следующем году, 25 июня, у молодой семьи появляется первенец, которого назвали Сергием. А всего в семье профессора воспитывалось пятеро детей¹⁷.

29 февраля 1860 года в день своего рождения (ему тогда исполнилось 28 лет) В. Ф. Певницкий был удостоен звания экстраординарного профессора.

Начало преподавательской и научной деятельности профессора В. Ф. Певницкого совпало со временем так называемых «великих реформ», коснувшихся различных сторон общественно-политической жизни России и часто в исторической литературе именуемых «революцией сверху» или «переворотом». Отмена крепостного права в 1861 году и проведение реформ в военном деле, образовании, печати, в области финансов, суде не могли не затронуть и церковной жизни, в частности — духовного образования. Среди академической профессуры было широко распространено убеждение в необходимости реформы духовных школ, хотя ясное представление о её целях не совсем просматривалось.

Имея незаурядный писательский дар, В. Ф. Певницкий стал активно сотрудничать с журналом для народа «Воскресное чтение». Здесь были напечатаны первые его статьи духовно-просветительского характера:

¹⁶ Со своей супругой Василий Федорович мирно прожил 42 года. Она скончалась 18 февраля 1902 года / Певницкий В. Ф. Мои воспоминания. См.: С. 109.

¹⁷ Сергей родился 25 июня 1860 года, окончил курс физико-математических наук со степенью кандидата в Киевском университете. Работал в Министерстве народного Просвещения. Владимир родился 18 декабря 1863 года, окончил курс физико-математических наук со степенью кандидата в Киевском университете. Работал помощником бухгалтера в государственном банке. Дочери: Юлия — родилась 4 июня 1862 года, Александра — родилась 10 февраля 1869 года, Надежда — родилась 23 февраля 1871 года. Все они окончили курс Киевской женской Фундуклеевской гимназии. См.: ЦГИАК Украины. Ф. 711. Оп. 1. Д. 10942.

«Владычество человека над неразумной тварью», «Образцовый возраст в жизни человеческой», «Дух нынешнего времени, по отзыву одного западного писателя», «Для чего при молитве мы осеем себя крестным знамением?» В журнале «Русская беседа» была напечатана статья «Недостаток и потребность современного естествознания», которая заслужила хвалебный отклик А. С. Хомякова.

С 1860 года в Академии начал выходить журнал «Труды Киевской Духовной Академии», который призван был удовлетворять запросам тогдашнего образованного общества и на достойном академическом уровне отвечать на критику оппонентов Церкви. Василия Федоровича назначили его редактором, и с этого времени начинается его активная научно-публицистическая деятельность. С начала 60-х гг. В. Ф. Певницкий опубликовал в «Трудах» Академии большое число работ по проблемам Церкви и общества, особенно по вопросам реформы духовных школ и высшего образования. В июньском номере журнала за 1861 год была напечатана его довольно обширная статья «К толкам о семинарском образовании. По поводу статьи Беламина», в которой он излагает свой взгляд на систему духовного образования. В сентябрьском номере публикуется его статья «Требования по отношению к духовной журналистике в нашем читающем обществе. По поводу статей в «Сыне Отечества», «Московских Ведомостях» и «Книжном Вестнике». В декабрьском номере выходит «Заметка о первоначальном приучении воспитанников к письменному изложению своих мыслей», излагающая его точку зрения на одну из дидактических проблем. В том же году в номерах за август и октябрь печатается его довольно обширная статья научно-богословского характера «Епифаний Славенецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в 17 веке».

В 1862 году в Академии открылась вакансия на кафедре церковной словесности (гомилетики), так как профессор протоиерей Назарий Фаворов перешел в Университет св. Владимира. Со времен ректорства архиепископа Иннокентия (Борисова), известного проповедника, кафедра церковной словесности пользовалась особой репутацией¹⁸, а потому

¹⁸ А. С. Ростиславов, знавший будущего архипастыря Иннокентия Борисова как инспектора и профессора, в своих воспоминаниях пишет: «Борисов... занимался с большим усердием богословскою иностранною литературою; можно сказать, что он прочитал все, что тогда выходило замечательного в ней, принадлежало ль это тогдашним рационалистам и неологам или защитникам католической и протестантской догмы. Но, кроме того, с не меньшим, может быть, усердием он занимался философией, историей, эстетикою, археологией и пр. [...] Будь сказано не в обиду почитателям покойного митрополита Филарета Дроздова, ученость Борисова была многостороннее, объемистее и современнее учености Московского святителя. Последний мог удивлять всякого чрезвычайно обширным знанием богословия и сочинений отцов Церкви. Но на первого с удивлением смотрели профессора Киевского и Харьковского университетов, приглашавшиеся к нему на вечера для ученых бесед большею частью о предметах всех почти, а не одних богословских наук... На профессорской должности Борисов был не сухим теоретиком, но оратором, ко-

члены академической корпорации стали искать по всей России знаменитого проповедника, который мог бы достойно занять освободившуюся кафедру. Поскольку такая задача оказалась невыполнимой, ректор архимандрит Филарет убедил В. Ф. Певницкого занять это место. По воспоминаниям Василия Федоровича, его утрашала сухость и малозначительность научного материала гомилетики, но, уступая настойчивому предложению ректора и желанию всей Академии, он решился занять новую кафедру. И 22 мая 1862 года Святейший Синод утвердил его в звании ординарного профессора на кафедре церковной словесности.

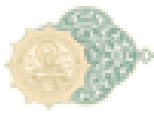
Блестящий дар красноречия, неутомимое трудолюбие и редкая энергия сделали своё дело и здесь. Профессор В. Ф. Певницкий не только поддержал прочно установившуюся к тому времени добрую репутацию гомилетической кафедры, но ещё более укрепил её. Профессорство В. Ф. Певницкого на кафедре гомилетики, без сомнения, составляет одну из самых ярких страниц в истории русского церковного красноречия. Ему, опытному педагогу, который был к тому же и плодовитым литератором, удалось, как ни в какой другой Академии, пробудить в студентах истинное усердие к проповеди. С большим волнением следил он за своими учениками — проповедниками, когда они обращались к пастве с амвона, и их неудачи всегда воспринимал как свои собственные. Воспитавший свой проповеднический вкус в школе лучшей святоотеческой, главным образом русской и византийской, проповеди, он болел душой, когда встречал что-либо несоответствующее духу этой школы, унижающее её идеалы.

В послужном формулярном списке профессора значится, что 9 октября 1862 года ему было «преподано благословение Св. Синода за заботливость и воспитание студентов и за удержание их своим нравственным влиянием после бывших в 1858 и 1859 годах случаев в границах надлежащего поведения, несмотря на всеобщее брожение умов, бывшее в то время в Киеве»¹⁹. По-видимому, перестройка общественного сознания в царствование императора Александра II затронула и духовное образование. Студенты стали проявлять особый интерес к вопросам общественной жизни и к светской публицистике, увлекаться дискуссиями на эти темы на страницах возникавших тогда новых журналов. В духовные школы были заронены, по выражению святителя Филарета Московского, «семена демократии»²⁰. Студенты зачитывались не толь-

который воодушевлен и увлечен своим предметом и умеет также воодушевлять и увлечь им своих слушателей... Лекции его... были глубоко обдуманы и излагались в строгой систематической связи». Цит. по: Смолиц И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Часть 1. М., 1996. С. 442.

¹⁹ ЦГИАК Украины. Ф. 711. Оп. 1. Д. 10942.

²⁰ Протоиерей Георгий Флоровский пишет: «В русской культуре именно с 60-х годов начинается парадоксальный и очень болезненный разрыв. Не разрыв только, но именно парадокс... В истории русского творчества вторая половина XIX-го века ознаменована была всего больше

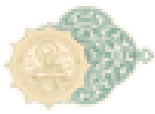
ко запрещенными журналами и брошюрами, но и произведениями немецкой либеральной теологии и даже философского материализма, например, Фейербахом. Тревожным сигналом было, например, участие студентов Казанской Духовной Академии и университета в панихиде по погибшим во время крестьянских беспорядков в деревне Бездна Казанской губернии. Подобные вспышки бунтарства могли происходить и в Киеве. Можно предположить, что своей скромностью и даром красноречия В. Ф. Певницкий снискал себе заслуженное уважение не только академического начальства, но и студенчества и в беспокойное время общественных брожений мог удерживать студентов от необдуманных действий по отношению к властям²¹.

В 1862 году в журнале «Труды Киевской Духовной Академии» выходят новые статьи профессора полемического характера. В апрельском номере «Трудов Киевской Духовной Академии» помещается его статья «Нигилисты: характеристика одного из современных направлений (по роману Тургенева “Отцы и дети”）」²². Статья «По поводу замечок

именно новым эстетическим подъемом и новым религиозно-философским пробуждением... Ведь это было время Достоевского и Льва Толстого, время Тютчева и Фета в лирике, время Серова, Чайковского, Бородина, Римского, время В. Соловьева, время Леонтьева, Аполона Григорьева, Фёдорова, и очень многих еще. Именно этими и такими именами обозначается и по ним проводится творческая магистраль русской культуры. Но русское “самосознание” не равнялось и не следовало за творчеством. И на новый подъем художественного гения было ответом “разрушение эстетики” (от Писарева до Льва Толстого), а религиозной тоске и боли противопоставляли так часто самый плоский и невежественный рационализм... Это был снова разрыв и распад: “интеллекта” и “инстинкта”, рассудка и интуиции...». Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 288.

²¹ Сам В. Ф. Певницкий в своих «Воспоминаниях» описывает студенческий бунт, который имел место в Киевской Духовной Академии так: «В 1859 году студенты, недовольные начальством, в своей деятельности не умевшим следовать методу и такту предыдущего ректора архимандрита Антония, начали бушевать и производить беспорядки, напоминающие нынешние беспорядки студентов высших учебных заведений. Они написали и послали в Петербург прошение на Высочайшее Имя, в котором очернили ректора, инспектора и некоторых наставников, не падая самых резких слов к их унижению, и представили состояние Академии в самом ужасном виде. Один студент XX курса (Андрей Попов) явился с этим прошением в Правление Академии, и, ставши на колени, положил прошение на голову и обратился с речью к Государю Императору, как бы тут присутствующему, прося его обратить милостивое внимание на приносимую ему жалобу. Начальство академическое совершенно растерялось и не знало что делать. Видя, что растерявшееся академическое начальство (ректором тогда был добрый, но устаревший Израиль, а инспектором молодой, но почти вечно пьяный Валериан) не в силах справиться с открывшимся студенческим движением, Антоний (в то время викарный епископ — И. М.) принял непосредственное участие в делах Академии... Увещания Антония на студентов произвели весьма благоприятное впечатление... и они умиротворились». Певницкий В. Ф. Мои воспоминания С. 301–302. По-видимому, непосредственное участие в умиротворении студенчества принял В. Ф. Певницкий, который в то время исполнял должность дежурного помощника инспектора Академии.

²² «Действительный смысл тогдашнего так называемого «нигилизма» не в том только заключался, что рвали с устаревшими традициями и отвергали или разрушали обветшавший быт. Нет, «отрицание» было много решительнее, и было всеобщим. Именно в этом и была его привлекательность. Отрицаи и отвергали тогда не только вот это данное и отжившее прошлое,

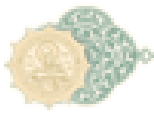
о духовных Академиях», которая была напечатана в октябрьском номере журнала, продолжила обсуждение вопросов реформы духовных школ. Чуть позже, в майском номере журнала за 1863 год, выходит его статья «В каком виде может и должна быть поставлена кафедра гомилетики?». Здесь профессор настаивает на научном характере предмета гомилетики и представляет возможность его наиболее плодотворного преподавания лишь в историческом контексте. В ноябрьском номере журнала за 1863 год выходит его статья «О значении классических языков в системе образования», а в октябрьском номере «Трудов» за 1864 год — статья «Что может ожидать в будущем наши духовно-учебные заведения?»

В ноябре 1864 года, январе и сентябре 1865 года публикуется научно-богословский труд В. Ф. Певницкого «Святитель Григорий Двоеслов — его проповеди и гомилетические правила». За это сочинение 17 августа 1872 года по Постановлению Академического Совета и утверждению Святейшего Синода автор был удостоен звания доктора богословия.

В 1866 году в июльском и сентябрьском номерах «Трудов Киевской Духовной Академии» печатаются его «Педагогические заметки», в августовском номере выходит статья «Тяжелое нареkanie. В защиту духовно-учебных заведений против обвинений периодической печати». В этом же году, 9 ноября, за усердные профессорские труды В. Ф. Певницкий был удостоен ордена св. Анны 3-й степени. В апрельском номере за 1867 год выходит его статья «По вопросу о преобразовании Духовных Академий», в октябрьском и ноябрьском номере он публикует подробное описание «Проповеднических трудов покойного митрополита Киевского Евгения (Болховитинова)». В 1868 году в январском номере помещена обширная статья «Св. Иоанн Креститель как проповедник покаяния», в апрельском и майском номере этого же года помещено описание «Проповедей св. Максима, епископа Туринского (5 века)». В сентябре и октябре публикуется большая статья «Образ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа как учителя».

Деятельность профессора в Академии не ограничивалась лишь чтением лекций и написанием статей. После введения в 1869 году нового устава православных Духовных Академий, устанавливавшего выборный орган управления — Совет Академии, Святейший Синод утвер-

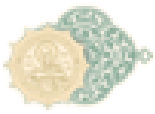
но именно всякое «прошлое» вообще... Иначе сказать, — тогда отвергали историю... Русский «нигилизм» был в те годы, прежде всего, самым яростным приступом антиисторического утопизма... «Нигилисты» 60-х годов отвергали на словах всякую независимую этику и всякую этику вообще, подменяя моральные категории началами «пользы», «счастья» или «удовольствия». И, тем не менее, они оставались вполне в плену самого прописного морализма, оставались подлинными педантами и «законниками» в самом своем гедонизме или утилитаризме. Ибо они выдвигали ведь, в противоположение исторической действительности, некую систему «понятий» и «правил», здравых понятий и простых правил». Флоровский Георгий, прот. Указ. соч. С. 286–287.

дил В. Ф. Певницкого в должности помощника ректора по церковно-практическому отделению. Одновременно ему было поручено вместе с гомилетикой преподавать в Академии пастырское богословие. Лекции по этому курсу позже были переработаны и изданы в виде отдельных книг («Священник. Приготовление к священству и жизнь священника», «Служение священника в качестве духовного руководителя прихожан», «Священство. Основные пункты в учении о пастырском служении»), которые не утратили своей актуальности и в наши дни. Книги выдержали несколько изданий, будучи в то время по своему уровню вне конкуренции. В. Ф. Певницкий занимал должность помощника ректора по церковно-практическому отделению и преподавал пастырское богословие до введения Устава Академий 1884 года. По этому уставу эта должность была упразднена. Однако почти до конца своей жизни В. Ф. Певницкий состоял членом академического правления.

Реформа 1869 г. значительно повысила уровень богословской науки в Академии²³. Один из студентов Киевской Академии 1880–1884 гг. вспоминает: «Совершенно иное впечатление произвела на меня духовная академия, в которую, благодарение Богу, мне посчастливилось поступить в 1880 году. В ней я увидел свет и отраду после всех прожитых мною горьких дней, в ней я увидел живых людей с умом, сердцем и благородным чувством, и стало на душе легко и отрадно. Здесь я почувствовал интерес к науке и благородному добровольному труду... Большая часть из преподавателей и профессоров искренно любила свое дело, трудилась и любила нас, как свое живое поле, которое им хотелось так возделывать,

²³ Как пишет протоиерей Георгий Флоровский, «главным достоинством академического устава 1869-го года было, конечно, то, что ученый характер высшей богословской школы был твердо означен и огражден. Комиссия преосвященного Нектария взяла в руководство университетский устав и по этому образцу перестраивала академическую организацию. Отсюда именно этот дух академических свобод, расчет на творческую самостоятельность академий. [...] Но даже и лучший устав не может преодолеть душевной инерции эпохи. То было у нас время практических увлечений, и уже подымалась волна опрошения. Идеал той эпохи был распределительный, не созидательный. Не творчество, а именно «просвещение». Было много любознательности или любопытства, но не доставало творческой воли. Торопились узнать и передать готовые ответы или решения. Была какая-то вера в эти чужие ответы, но точно страх перед исследованием. И слишком многие у нас тогда изучали не сам предмет, а западную литературу предмета. Казалось, что в том попросту и состоит очередная задача новой русской науки, чтобы «догнать» западное просвещение. Получается впечатление, что у нас богословствовали скорее как бы по западнической или западной инерции, а не из внутренней потребности и убеждения. И за долгие годы западного влияния в школах не привыкли спрашивать себя о духовных предпосылках богословия. Почти забывали, что строить предстоит церковное богословие, а не богословие вообще. То был вопрос о духовном методе. Нужно было научиться богословствовать не из ученой традиции или инерции только, и не только из любознательности, но из живого церковного опыта и из религиозной потребности в знании. Иначе и нельзя было вернуть богословскому преподаванию его духовную устойчивость и убедительность. В предыдущую эпоху пример такого богословствования уже был показан Филаретом Московским. Но не многие хотели и не многие умели за ним идти...» Флоровский Георгий, прот. Указ. соч. С. 363–364.

чтобы оно было плодотворно и растимо»²⁴. 28 сентября 1869 года, по случаю 50-летия обновленной Киевской Духовной Академии, В. Ф. Певницкий был удостоен ордена святой Анны 2 степени «с императорской короной». На торжественный акт В. Ф. Певницкий подготовил юбилейную речь «О судьбах богословской науки в нашем Отечестве», которая вызвала широкий резонанс в академическом обществе.

Плодами своих научных работ Василий Федорович продолжал щедро делиться не только со своими учениками в академической аудитории, но и со всем образованным обществом. Он смотрел на свои литературные занятия как на исполнение прямой обязанности и всегда писал с великим желанием и любовью. Его литературное наследие весьма значительно не только по своему объёму, но и по качеству. Ведя очень аккуратный образ жизни, он старался каждый день заниматься литературным трудом, не выпуская пера из рук до самых последних своих дней.

В марте и июне 1870 года в «Трудах» он помещает описание арелатских проповедников Илария и Кесария, в январе и феврале 1871 года выходит его обширная статья «Св. Лев Великий и его проповеди», а в марте описание «Бесед св. Григория Великого на пророка Иезекииля». В 1873 году выходит описание «Рукописного сборника проповедей иподиакона Дамаскина Студита». В 1874 году он помещает библиографические сведения о Стефане Яворском, митрополите Рязанском и Муромском. В июле того же года пишет статью гомилетико-исторического характера «Проповедь в первенствующей церкви христианской».

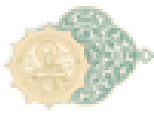
13 апреля 1875 года В. Ф. Певницкий был удостоен ордена св. Владимира 4 степени. А через год 4 апреля 1876 года «за долговременную отлично усердную службу» профессор пожалован чином статского советника.

В феврале 1876 года публикуется его статья «Церковная проповедь в век мужей апостольских», в январе и марте 1878 года — статья «Следы проповедничества в древнейшей отеческой письменности», в 1879 году в февральском и ноябрьском номерах, а также в мартовском и апрельском номерах «Трудов» за 1880 год — большая статья «Ориген и его проповеди».

За усердные труды в Академии 1 апреля 1879 года профессор удостоен ордена св. Владимира 3 степени.

1 марта 1881 года революционеры-террористы, входившие в организацию «Народная воля», после нескольких неудачных попыток покушения смертельно ранили императора Александра II, проезжавшего по набережной Екатерининского канала. Это было знаком того, что в русском обществе назревает духовная и политическая катастрофа.

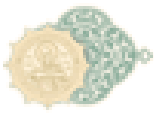
²⁴Цит. по: Смолич И. К. Указ. соч. С. 473.

фа²⁵. Правительство стало принимать срочные меры для ограждения общества от революционно-либеральных настроений. Перемены коснулись и Духовных Академий. В это время В. Ф. Певницкий в журнале для народа «Воскресное чтение» пишет статьи на злобу дня: «Откуда предрержание власти в государстве» (№ 21. 1881 г.), «Безумная и тщетная борьба против Помазанника Божия» (№ 25. 1881 г.), «Где источник так частых в наше время насильственных действий, направленных к ниспровержению властей и законного общественного порядка» (№ 27–28).

Уже в конце 1881 года при Святейшем Синоде учреждается «Комитет для обсуждения соображений об изменении в существующей организации Духовных Академий». В состав этого Комитета от Киевской Духовной Академии входил В. Ф. Певницкий. К концу 1883 года Комитет подготовил проект нового Устава Академий и внес его на утверждение в Святейший Синод. В 1884 году после незначительной корректировки новый Устав Духовных Академий был принят к исполнению. Устав должен был сдерживать проникновение в высшую духовную школу революционных настроений и светского духа через ограничение применения научно-критического метода в исследованиях и преподавании. На ректоров Академий возлагалась полная ответственность за направление в преподавании. Некоторые профессора и студенты критиковали новый Устав (особенно в революционный 1905 г.) за насаждение в преподавании многопредметности. Но даже такой либерально настроенный профессор, как Владимир Петрович Рыбинский, учившийся в Киевской Академии в 1887–1891 гг., в своих воспоминаниях признает, что «академическая атмосфера, хотя она оставляла желать многого, все-таки в известной мере была пропитана научным духом и этот дух подчинял себе и преобразовывал... Влияние Академии давало о себе знать и в известной широте взглядов и интересов, и в особом подходе к вопросам. Хороший студент, при самостоятельности, мог из академического преподавания все-таки извлечь много. Формальное развитие студентов духовных академий в общем, несомненно,

²⁵ Эту катастрофу давно уже прозревал подвизавшийся тогда в Вышенском затворе святытель Феофан (Говоров). Как пишет о нем протоиерей Георгий Флоровский, «из своего затвора Феофан очень внимательно и беспокоино следил за внешней жизнью Церкви. Его очень смущало молчание и какое-то бездействие духовных властей. Он боялся: «того и гляди, что вера испарится, «и в обществе и в народе»; «попы всюду спят». «Через поколение, много через два иссякнет наше православие...» И он недоумевал, почему другие не тревожатся и не смущаются вместе с ним. «Следовало бы завести целое общество апологетов, — и писать, и писать...» В действительность официальных миссий и даже миссионерских обществ он совсем не верил. Он мечтал о подлинном апостольском хождении в народ. «Поджигатели должны сами гореть. Горят, ходят повсюду, — и в устной беседе зажигают сердца...». Флоровский Георгий, прот. Указ. соч. С. 397–398.

было не ниже развития студентов университетов, а вероятно даже выше его»²⁶.

16 февраля 1881 года указом Святейшего Синода за 25-летнюю выслугу в Академии В. Ф. Певницкий был удостоен звания заслуженного ординарного профессора. Согласно Уставу Академий 1869 года, по выслуге лет профессор должен был уйти в отставку. Но ректор и академическое правление убедили профессора продолжить преподавание ради сохранения преемственности добрых традиций Академии. По-видимому, на такое решение повлияло и то, что у профессора среди его коллег и учеников была репутация исключительно благородного, доброго, кроткого и незлобивого человека, который, в то же время, всегда готов решительно отстаивать свои убеждения.²⁷

В. Ф. Певницкий в своей жизни придерживался определенного режима, от которого никогда не отступал без достаточных на то оснований. У него были назначены определенные часы для занятий, отдыха, сна, чая, обеда и прогулки. Каждый день вечером, в 6 часов, он совершал приблизительно часовую прогулку по Владимирской горке, радуясь, если к нему присоединялся кто-нибудь из знакомых.

В воскресные и праздничные дни профессор неизменно молился в Киевском Софийском соборе, стоя всегда на одном и том же месте среди народа. Только в последние годы своей жизни он молился в алтаре храма. В дни академических торжеств, во время общего академического говенья, в дни Великого поста, профессор приходил на Богослужение в Киево-Братский монастырь. Здесь вместе со всеми преподавателями и студентами он причащался Святых Христовых Таин. Каждым Великим постом на Пасху в академическом храме монастыря профессор, по давней установившейся традиции, произносил проповедь. Все проповеди профессора были довольно продолжительными (каждая из них занимает в «Трудах» не менее 10–12 страниц), но вряд ли они хоть сколько-нибудь утомляли присутствующих, настолько глубокими по содержанию и в то же время злободневными были они. Об их содержании можно судить по названиям: «Об оскудении веры в нашем поколении», «О пользе поста», «О хранении древних благочестивых обычаев и преданий», «О бедствии голода», «О средствах к предохранению от губительной болезни», «О покаянии», «О неуклонном исповедании святой веры Христовой», «Грех Иудин». Сохранилось немало надгробных слов и речей, произносившихся им при отпевании почивших коллег-преподавателей и преисполненных великой любовью к ним. Жил профессор на Большой Житомирской улице в одноэтажном деревянном

²⁶Рыбинский В. П. К истории Киевской Духовной Академии (курс 1887–1891 гг.). Машинно-письм. Баку, 1936. С. 18.

²⁷Титов Ф. И., прот. Указ. соч. С. 163.

домике на каменном фундаменте, который он приобрел ещё в начале своей профессорской службы. Никакие заманчивые предложения потенциальных покупателей не могли подвигнуть его к тому, чтобы съехать из этого домика. Даже перепланировки его он не допускал.

Василий Федорович отличался большим гостеприимством. Его дом всегда был открыт для всякого, кто хотел повидаться с ним. В определенные дни (в последние годы жизни — чаще всего по пятницам) он устраивал званые вечера. Самыми дорогими гостями для него были члены академической корпорации и бывшие его ученики²⁸.

По воспоминаниям близко знавшего профессора священника Василия Гроссу, своими научными и литературными трудами Василий Федорович имел обыкновение заниматься в определенные часы дня. В начале он тщательно обдумывал тему своего исследования, всесторонне изучал её по источникам, вынашивал мысли и только после этого садился за письменный стол. Писал он обыкновенно сразу набело, без всяких поправок, чем немало изумлял даже близко знавших его людей.

В 80-е и 90-е годы в «Трудах» выходят следующие статьи профессора:

Ближайшие сотрудники Оригена в деле церковной проповеди (1883. № 3. С. 411–441).

Св. Григорий Чудотворец, епископ Неокессарийский, и приписываемые ему проповеди (1884. № 3. С. 339–387).

Св. Ипполит, епископ Римский и дошедшие до нас памятники его проповедничества (1885. № 1. С. 50–83. № 2. С. 179–221).

Порядки и обычаи, соблюдавшиеся при сказывании проповедей в Древней Церкви (3–5 веках) (1885. № 4. С. 468–481. № 10. С. 167–209. № 11. С. 354–372. 1886. № 1. С. 27–52. № 3. С. 392–416. № 5. С. 3–42).

Позднейшие протестантские гомилетики (1886. № 11. С. 405–453).
Чтения о проповеди Брукса (1887. № 12. С. 552–576).

Проповедь: Её характеристика и метод её составления (1888. № 1. С. 37–71).

К истории древней христианской проповеди (1890. № 7. С. 335–374).

Полное собрание проповедей Димитрия, архиеп. Херсонского и Одесского (Обзор его проповедей) (1890. № 11. С. 364–438).

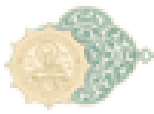
Образование отцов — проповедников 4 века (1892. № 9. С. 3–61. № 10. С. 261–304).

Из истории гомилетики: Гомилетика блаженного Августина (1893. № 1. С. 3–50).

Из истории гомилетики: Средневековые гомилетики (1893. № 6. С. 182–204. № 8. С. 527–550. № 10. С. 129–182).

Из истории гомилетики: Гомилетика Эразма Роттердамского (1894. № 3. С. 317–342. № 7. С. 426–448. № 8. С. 493–527).

²⁸ Там же. С. 164.

Из истории гомилетики: Практические пособия для проповедников в средневековой литературе (1894. № 9. С. 44–77. № 10. С. 179–204).

Из истории гомилетики: Сборники исторического содержания, бывшие в употреблении у средневековых проповедников (1895. № 1. С. 122–138. № 2. С. 276–302. № 7. С. 374–420).

Из истории гомилетики: Гомилетика в новое время после реформации Лютера (1896. № 1. С. 3–29).

Из истории гомилетики: Гомилетика Герарда Гиперия (1896. № 5. С. 50–101).

Из истории гомилетики: Гомилетическая теория Шпенера (1896. № 8. С. 453–489).

Из истории гомилетики: Гомилетика Мосгейма (1896. № 11. С. 259–310).

Из истории гомилетики: Французская гомилетика из эпохи блестящего развития французской проповеди (1897. № 1. С. 54–98).

Из истории гомилетики: Фенелоновы разговоры о красноречии (1897. № 5. С. 73–99).

Из истории гомилетики: Теория красноречия Шота (1897. № 9. С. 3–63).

Из истории гомилетики: «Красноречие добродетель» — Термина (1897. № 11. С. 309–343).

Из истории гомилетики: Теория религиозной речи Шлейермахера (1898. № 1. С. 75–102).

Из истории гомилетики: Гомилетика Александра Швейцера (1898. № 6. С. 153–194).

Из истории гомилетики: Теория духовного красноречия Юнгмана (1898. № 12. С. 484–549).

Из истории гомилетики: Теория духовного красноречия Юнгмана (1899. № 2. С. 226–247).

Из истории гомилетики: Гомилетика или теория проповеди Вине (1899. № 8. С. 469–522).

Кроме статей научно-богословского характера В. Ф. Певницкий постоянно помещал в журнале для народа «Воскресное чтение», редактором которого он был с 1878 до 1883 года, духовно-просветительские сочинения. Вот названия некоторых из них: «Светоносное действие воскресения Христова», «Жалобы на скорбный характер церковной проповеди», «Неизменность живой веры и значение её для человека», «О значении религиозного просвещения», «Необходимость для Церкви определенных форм богослужения», «Нарекание на незамыслительность духовного чтения», «Наши практические стремления и отношения к ним религиозности», «Состояние неверия», «О религиозно-нравственном чтении», «Находящим соблазнительные,

возбуждающие недоумения, места Священного Писания», «Родители и дети», «Наставления христианского педагога (из Климента Александрийского) ...», «Религия в обществе человеческого», «Где средства против пустоты нашей семейной жизни», «Христианство и прогресс», «Ревнителям всеобщего равенства», «Слуги и господ», «Неодолимая сила Церкви», «Жалобы на развращение века».

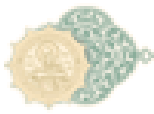
С 1900 года в «Трудах Киевской Духовной Академии» печатается основной труд профессора «Церковное красноречие и его основные законы». Полностью он был издан к знаменательному юбилею профессора — 50-летию его профессорско-преподавательской деятельности. Он стал своего рода итогом многолетнего осмысления всего комплекса гомилетического наследия — от проповеди святого Крестителя Господня Иоанна до новейших западных веяний в католической и протестантской гомилетике²⁹.

Заслуги профессора перед Академией не оставались неоцененными: кроме уже упоминавшихся наград, он был представлен академическим начальством к орденам св. Станислава 1-й степени (1883) и св. Анны 1-й степени (1891) и к серебряной медали в память императора Александра III для ношения на груди на Александровской ленте (1896).

В начале нового XX века В. Ф. Певницкий перенес тяжёлую утрату. После продолжительной болезни 18 февраля 1902 года скончалась его супруга Клавдия, а ещё через некоторое время покинули этот мир его сын Владимир и зять. Выпавшие на его долю испытания Василий Федорович переносил с истинно христианской стойкостью. Свое внутреннее состояние он выразил в речи, которую произнес на собрании Киевского религиозно-просветительского общества. Речь «Христианский взгляд на скорби, нас постигающие» Василий Федорович произносил с особым воодушевлением и пафосом. Некоторые места этой речи имели автобиографический подтекст.

Очень интересны воспоминания о профессоре В. Ф. Певницком его бывшего ученика (1887–1891 гг.), профессора Академии В. П. Рыбинского. Он пишет о Василии Федоровиче: «Это, может быть, была самая колоритная фигура в Академии не только в мои студенческие годы, но и вообще за последнее тридцатилетие Академии. Прежде всего, это был академический человек в полном смысле этого слова, — нигде, кроме академии не служивший, живший только академией и, по-видимому, выше всего её ставивший. [...] Высокий, гладко выбритый, обычно низко подстриженный, с живыми глазами, — Василий Федорович казался совсем не старым человеком. Никогда он не болел и, кажется, не пропустил

²⁹ За этот труд 26 февраля 1907 года Святейший Синод удостоил профессора В. Ф. Певницкого премии митрополита Макария Московского в размере 500 рублей. См.: ЦГИАК Украины. Ф. 711. Оп. 1. Д. 10942.

у нас ни одной лекции. Он имел твердо установившиеся привычки, которыми никогда не изменял. [...] Ежегодно 1 мая и 1 ноября он стригся наголо. На лекции до конца своей службы ходил пешком, хотя ему приходилось подыматься домой по тяжелому Андреевском спуску. Зимой никогда не носил шапки, а только теплую фуражку. Из Киева вообще ни на дачи, ни в путешествия он не выезжал. [...] Лишь в 1883 году он был вызван в Петербург для участия в комиссии при Синоде, вырабатывавшей новый академический устав. [...] Но вообще сидел безвыездно в Киеве и летние каникулы проводил на Владимирской горке и в своем саду. [...] В академии он давно уже был на положении "генерала": на академическом акте всегда являлся в шитом серебром мундире и при всех орденах. [...] По существу же Василий Федорович был простой и добрый человек. К студентам он относился с чрезвычайной снисходительностью. На своих экзаменах он не ставил неудовлетворительных отметок и производил их очень быстро, только для соблюдения установленной формы. [...] В своей области Василий Федорович был большим специалистом. Да и вообще он был, несомненно, человеком выдающихся дарований, способным работать много и работать регулярно. Особенной глубины у него не было, но ум у него был разносторонний, основательный и ясный. Литературная производительность его была весьма велика. В некоторые годы, в период молодости, он печатал до 30 листов в год, статей разного содержания. [...] В качестве профессора гомилетики Василий Федорович всегда рецензировал проповеди студентов III и IV курса, составлявшиеся ими в порядке особого расписания. Всегда он подчеркивал нам, что проповедь должна иметь определенное содержание, а не ограничиваться набором фраз и восклицаний, что тема должна быть развита последовательно и должна быть приспособлена к потребностям слушателей. В. Ф. вообще читали и любили, так как он был добр к студентам не только на экзаменах и в рецензиях на работы, но и помогал некоторым по окончании академии устроиться, используя свои связи»³⁰.

6 ноября 1905 года, по распоряжению Святейшего Синода, состоялось великое чествование заслуженного ординарного профессора Академии, доктора богословия, действительного статского советника по случаю 50-летия его ученой и учебной деятельности на пользу богословской науки и славу Киевской Академии и Святой Православной Церкви. Почти весь декабрьский номер журнала «Труды Киевской Духовной Академии» был посвящен описанию жизни и трудов профессора. Также в журнале приводятся тексты сотен телеграмм и приветствий в честь юбиляра, которые пришли от его бывших учеников почти со всех уголков

³⁰Рыбинский В.П. Указ. соч. С. 89–95.

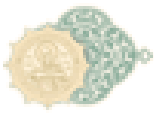

Российской империи и из-за рубежа³¹. В день чествования юбиляра в великой церкви Киево-Братского монастыря была отслужена Божественная Литургия, которую совершал высокопреосвященный митрополит Киевский и Галицкий Флавиан с преосвященными викариями — ректором Академии епископом Чигиринским Платоном и епископом Уманским Агапитом, с 14 архимандритами, протонареями и священниками, преимущественно из числа бывших учеников юбиляра. Академическая профессорско-преподавательская корпорация преподнесла юбиляру копию святой иконы Братской Божией Матери. Также был образован капитал имени В. Ф. Певницкого, который предназначался для выдачи лучшим студентам-проповедникам и выпускникам за особые заслуги в деле проповедничества³². В конгрегационном зале Академии был помещен портрет профессора кисти художника Сонины.

В приветственном адресе профессору от лица ректора, профессоров и преподавателей Академии было сказано следующее: «...Пятьдесят лет Вы исполняли это служение, мало сказать с ревностью и добросовестно, но и с любовью. Не увлекаясь приманками жизни, нередко уклоняясь от почетных и заманчивых предложений, Вы отдали родной Академии все свои силы и привязанности, жили одною с нею жизнью: её радости и успехи были Вашими радостями; её тревоги были Вашими тревогами. Глубоко понимая достоинство и значение богословской науки в исторической жизни христианских народов, Вы с достоинством и честью держали на вверенной Вам кафедре знамя науки, невольно увлекали своих слушателей не только силою редкого красноречия Вашего, но и основательным знанием избранной Вами богословской науки, верую в её важность и значение. Церковное проповедничество, которому Вы посвятили большую часть своей профессорской деятельности, нашло в Вас не сухого теоретика, а блестящего оратора, у которого теория находила неизменное оправдание в речи живой, исполненной одушевления и глубокой веры в истину проповедуемого. [...] Ваше служение русской богословской науке в стенах родной Академии неразрывно соединялось с горячей любовью и доверием к Вашим сослуживцам и ученикам. Всегда доступный, радушно отзывчивый, носитель лучших традиций родной Академии, готовый великодушно и христиански забывать неизбежные

³¹ «В мои студенческие годы, — пишет профессор В. П. Рыбинский, — к профессорам относились очень хорошо, хотя, разумеется, заочно их часто критиковали. С неизменным уважением всегда относились к старейшим профессорам — Певницкому, Малышевскому, Олесницкому, Линицкому, Петрову, Ковальницкому, авторитет которых всегда стоял у студентов непоколебимо и никакой критике не подвергался». Рыбинский В. Указ. соч. С. 18–19.

³² Как сообщает жизнеописатель профессора протонарею Федор Иванович Титов, в 1911 году за лучшие сочинения по гомилетике и проповеди в Киевской Духовной Академии выдавались две премии имени В. Ф. Певницкого: одна в размере 60 рублей 80 копеек, а другая в размере 93 рублей 40 копеек. Эти премии выдавались ежегодно Советом Академии на основании особых правил. Титов Ф. И., прот. Указ. соч. С. 160.

в жизни недоразумения, чуждый зависти и двосудия, Вы сделали предметом общего и искреннего уважения Ваших сослуживцев и учеников, скажем более, гордостью нашей Академии...»³³.

Как можно увидеть из ответного слова профессора В. Ф. Певницкого на приветственный адрес, празднование юбилея было несколько омрачено проходившими в то время в Киеве антиправительственными волнениями и забастовками, в которых участвовали и студенты Академии³⁴. В частности профессор сказал: «...День юбилея должен быть днем торжества и радости. Но я полон грусти. Вихрь, бушующий в нашем Отечестве, проник и в нашу тихую обитель, по-видимому, отраженную крепкими стенами от внешних тревожений, — увлек и рассеял наших питомцев. Где они? Наша *alma mater* звала и зовет их на дело их, но нет от них отклика. Она дает им теплый кров, дает хорошее содержание, каково они не имели дома, дает все средства для научных занятий и для нравственного и умственного преуспеяния. А они пренебрегли её материнскою попечительностью, обратились к ней не как питомцы, а как самозванные судии и учителя, с резкими требованиями, и оставили, бросили её, к её великой скорби. В её трехвековой истории в первый раз постигает её такая печаль, наносимая ей теми, которых она готова селеять, как мать детей своих...».

Как было замечено выше, профессор В. Ф. Певницкий прослужил в Киевской Академии целых два срока, а потому во время своей речи он смиренно спросил: «Не преступил ли я положенного предела, служа так долго — целых два срока, в Академии? Может быть, мне нужно было давно оставить Академию, чтобы предоставить место более свежим силам, для обновления Академии, которого так желают многие. Простите меня великодушно, если я занимал чужое место. Не раз я приходил к мысли, не пора ли мне оставить свое служебное поприще, не раз и заявлял об этом, кому следует. Но воля людей, стоящих выше меня, удерживала меня на том посту, на котором я был поставлен, указывая на то, что старые люди нужны Академии для поддержания в ней добрых традиций, которые составляют крепость и сокровище Академии».

³³Пятидесятилетний юбилей заслуженного ординарного профессора Киевской Духовной Академии Василия Федоровича Певницкого // Труды Киевской Духовной Академии. 1905. № 12. С. 509–510.

³⁴Студенты Киевской Духовной Академии 26 сентября отказались участвовать в традиционном годичном торжественном Акте. Мотивировка поступка была следующая: 1) торжественный Акт неуместен в виду тяжелого экономического и политического положения страны; 2) он свидетельствует о том, что в данном учебном заведении все обстоит благополучно и жизнь идет нормальным порядком, что совершенно не соответствует истине. (Церковно-общественная жизнь. 1907. № 2. Стб. 52–53). За этой акцией киевских студентов последовал всеобщий саботаж студентами всех четырех Академий начала учебных занятий. В первых числах октября академики на сходах вынесли резолюции, что они не приступят к занятиям до тех пор, пока Академия не будет предоставлена автономия.

Закончил свою речь профессор следующими словами: «Отпустите меня с миром. Может быть близок час, когда Господь воззовет меня из среды живых. Когда отойду я в путь вся земли, помяните меня в своих молитвах пред Богом. Это последняя мзда, какой я прошу у Вас»³⁵. Но просьба профессора была удовлетворена не сразу.

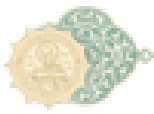
После первого революционного всплеска 1905 года в академической среде обозначилось острое противостояние трех политических течений: монархического, революционно-демократического и умеренно-либерального. В Духовных Академиях, как и в университетах, всегда были те, кто сочувствовал либеральным настроениям, и те, кто занимал консервативно-монархическую позицию. Такая расстановка наметилась с 60-х годов XIX века. Но теперь выражение сочувствия политическим взглядам приобрело формы, неприемлемые для духовных школ, и неприязнь, ранее сдерживаемая противостоящими сторонами, была готова перейти в открытое столкновение. «У них происходят частые конспиративные собрания, — рассказывает о «партии кадетов» в Киевской Духовной Академии профессор М. Э. Поснов в письме к профессору Н. Н. Губковскому. — Разумеется, постановления и решения их для всех тайна. Слышно только, что особенную нетерпимость и озлобленность к лицам некадетской партии обнаруживает В. И. Экземплярский»³⁶.

Наиболее либеральные взгляды были свойственны профессорам богословских предметов. В противостоянии с ними профессор В. Ф. Певницкий стоял на последовательно консервативной, а вернее будет сказать, строгой церковной позиции.

Профессор В. Ф. Певницкий считал, что упадок Академий и вообще богословского образования после принятия Устава 1884 года, о чем так много говорили либерально настроенные профессора, был вызван революционным брожением в обществе, которое коснулось академической профессуры и студенчества по причине многочисленных нарушений самого Устава. Главная мера к восстановлению нормального хода академической жизни, по мнению профессора, должна состоять в безукоризненном подчинении академическому Уставу и церковной дисциплине. Требования автономии, самоуправления, выборов, распространившиеся в академической среде одновременно с развитием в стране революционного движения, он отождествлял с революционными лозунгами, подрывающими веру и нравственность. Исходя из своей принципиальной позиции, он выступал за сохранение принципа иерархичного устройства академического управления и подчинения его духовной вла-

³⁵ Пятидесятилетний юбилей заслуженного ординарного профессора Киевской Духовной Академии Василия Федоровича Певницкого. С. 514–515.

³⁶ Сосуд избранный: Сборник документов по истории Русской Церкви. СПб., 1994. С. 114.

сти, считал, что необходимо усилить контроль со стороны администрации за учебной частью и процессом воспитания студенчества.

16 января 1906 года было учреждено Предсоборное Присутствие для подготовки Поместного Собора. В качестве членов Присутствия от Киевской Духовной Академии в Петербург были приглашены многие профессора, среди них особым авторитетом пользовался профессор В. Ф. Певницкий.

Во время Предсоборных прений о соотношении светского и духовного образования и о значении высшей духовной школы, профессор Киевского университета протоиерей Павел Светлов высказал крайний взгляд на необходимости полного упразднения Духовных Академий. По его мнению, достаточно существования при университетах богословских факультетов. Возражая ему, профессор Певницкий видел главную «задачу и цель Академии в том, чтобы доставлять высшее богословское образование в духе Православия для просвещенного служения Церкви на пастырском поприще»³⁷. Для достижения этих целей, по мысли профессора, в составе академического курса должны быть, главным образом, богословские науки. Они не должны вытесняться светскими дисциплинами, за что ратовали либерально настроенные профессора. В. Ф. Певницкий полагал, что в многопредметности академического курса виноваты именно светские науки, которые «не всегда содействуют богословскому образованию [...] идут даже вразрез ему. [...] Студенты ими увлекаются, а про богословие забывают»³⁸.

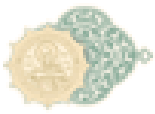
В данном мнении профессора В. Ф. Певницкого поддержал профессор М. Остроумов. Он также был против расширения круга светских наук, изучаемых в высшей духовной школе, так как, по его мнению, надо различать существо светского и духовного образования. Из светских наук в Академиях должны изучаться лишь те, которые касаются вопросов христианского богословия.

В своей «программной» речи профессор В. Ф. Певницкий высказал предложение вернуться к старому академическому Уставу 1884 года, допустив лишь самые минимальные уступки (увеличение прав академического Совета в некоторых учебно-воспитательных делах). Относительно предложения либерального крыла преподавателей о необходимости упразднения цензуры в духовных журналах профессор В. Ф. Певницкий говорил так: «Бояться контроля и наблюдения свойственно только тем, которые нечисто ведут свое дело и намеренно уклоняются от пути, им указанного. Контроль и наблюдение, если есть они в школе, разве непременно несут стеснения и дают живые силы?»³⁹

³⁷ Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия. СПб., 1907. Т. 4. С. 63.

³⁸ Там же. С. 68.

³⁹ Церковные ведомости. 1906. № 46–47. Стб. 2973.

Так беспокойно в водовороте многих государственных и церковных событий, в борьбе за сохранение вековых устоев церковной жизни заканчивалась жизнь профессора. 23 мая 1906 года из Санкт-Петербурга, где профессор участвовал в заседаниях Предсоборного Присутствия, он прислал в Совет Академии прошение, в котором заявил о своем желании «предоставить занимаемую им кафедру в обновляющейся Академии более свежим силам» и просил исходатайствовать ему увольнение от службы в Академии. Совет Академии, рассмотрев 15 июня 1906 года прошение профессора, по предложению ректора епископа Чигиринского Платона (Рождественского), единогласно избрал увольнявшегося профессора почетным членом Академии «во внимание к его выдающейся, по своим добрым результатам, самоотверженной свыше 50-летней службе в Академии». Святейший Синод своим указом от 20 июля 1906 года утвердил В. Ф. Певницкого в звании почетного члена Академии.

Вскоре последовало Высочайшее соизволение Императора Николая II от 19 октября 1907 года на дополнение к Уставу Духовных Академий статьей следующего содержания: «Профессора Духовных Академий, оставляющие службу при Академии за выслугою лет (30), могут по представлению Совета Академии и утверждению Св. Синода оставаться при Академиях в качестве сверхштатных профессоров, с правом участия в заседаниях академического Совета наравне с штатными профессорами». Действие этой статьи распространялось и на тех профессоров, которые уже успели уволиться. В. Ф. Певницкий поспешил воспользоваться своим правом остаться заштатным профессором Академии и до самой своей смерти старался не пропускать ни одного заседания Совета Академии.

На 80 году своей жизни В. Ф. Певницкий в период Великого поста серьезно заболел. Причастившись Святых Христовых Таин, к Пасхе он несколько поправился. Но чуть позже врачи обнаружили у него признаки смертельной болезни — рака желудка. Больной ещё долго крепился, не подавал вида, что серьезно болен. 14 июня 1911 года Василий Федорович ещё участвовал в итоговом заседании Совета Академии. До 20 июня он продолжал вести свой обычный образ жизни, работал над своими «Воспоминаниями» и записями в «Дневнике», но затем вынужден был лечь в постель. Болезнь продолжала прогрессировать. 12 июля Василий Федорович сказал: «Я уже готов к смерти. Я умираю. Помолитесь обо мне». Духовник его исповедовал, причастил Святых Христовых Таин и совершил таинство Елеосвящения. В 10 часов 22 минуты Василий Федорович, окруженный своими родными и близкими, тихо отошёл, предав свой дух в руки Божию.

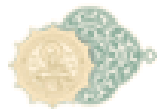
В доме почившего над его гробом студенты Академии непрерывно читали Псалтирь, а священнослужители до 15 июля два раза в день со-

вершали панихиды, на которые всегда собиралось множество народа. 15 июля тело почившего профессора перенесли в большую церковь Киево-Братского монастыря, где было совершено Всенощное бдение с парастасом. 16 июля была отслужена заупокойная Божественная Литургия и состоялось отпевание профессора, которое совершил Киевский митрополит Флавиан в сослужении трех епископов, 50 архимандритов, протоиереев и иереев из числа коллег-преподавателей и бывших учеников почившего. По окончании отпевания гроб с телом покойного был перенесен на кладбище Киево-Флоровского Вознесенского монастыря. Похоронен профессор В. Ф. Певницкий в нижней части кладбища около церкви, но где именно, нам точно неизвестно, так как в советское время храм и кладбище были коопунственно разорены.

Знакомство с биографией профессора В. Ф. Певницкого не может вызвать благорасположения к нему у тех, кто любого консерватора готов заклеить как «охранителя», нечуткого к «пульсу эпохи». Сам он, однако, никогда и не старался понравиться «прогрессистам». В отличие от большинства профессоров и студенчества, воспринявших новый Устав Академии 1884 года как ретроградный, душащий творческую инициативу преподавателей, профессор В. Ф. Певницкий до конца своих дней был горячим его сторонником. Также он, вопреки преобладающему настрою интеллигенции, крайне отрицательно отнёсся к революционному движению начала XX века. Почему же он оказался в числе инакомыслящих? В чём-то ведь и небезосновательным был обличительный пафос его коллег-оппонентов: вера на глазах иссякала в народе, угасало дерзновение и ревность к проповеди Слова Божия у пастырей Церкви. Всё это профессор В. Ф. Певницкий, конечно же, видел, но источниками маловерия и неверия в церковной среде он считал не «закрепощение образования», не «ущемление прав и свобод», а, наоборот, слишком вольное истолкование вероучительных истин, привнесённый в духовную школу извне дух бунтарства. «Мы отнюдь не поклоняемся общественному застою, — говорил профессор, — и ни на каких условиях не можем мириться с гражданскими пороками, с пустотою и извращенностью жизни и неправильностью её отправлений. Но бури и волнения в наших глазах самое отчаянное и самое ненадежное средство к исцелению этой или другой общественной болезни...»⁴⁰ Будучи глубоко осведомлённым в церковном предании, прекрасно зная святоотеческое богословие, профессор понимал, что, вследствие живущего в каждом человеке греха, внешнее раскрепощение и тем более бунтарство не всегда приводят к внутреннему преобразению душ человеческих. Ибо «жизненные начала, — писал он, — коренятся и растут в глубине общественной жизни,

⁴⁰Певницкий В. Ф. Крики народной иудейской толпы пред судом Пилата // Труды Киевской Духовной Академии. 1862. № 3. С. 373.

чуждой потрясений: они проявляются и расцветают в жизни по мере того, как являются новые люди и свежие силы, независимо от взрывов нетерпеливой массы. Эти взрывы производят впечатление только оглушающее, а не производящее»⁴¹. Профессор видел, что люди, борющиеся за особый автономный статус Академий, за политические права и свободы не понимали самого главного: намного труднее обрести свободу внутреннюю, то есть свободу от страстей, нежели свободу внешнюю. Большинство людей не умеют правильно пользоваться даром внешней свободы, злоупотребляют им, становясь игрушкой в руках лукавого духа, и, в конце концов не только не обретают никаких дополнительных послаблений, но и теряют то, что имели, как и случилось после октябрьского переворота 1917 года. Установление безбожного советского режима, покончившего со всеми свободами, показало, насколько прав был в своем обличении бунтарского радикализма профессор В. Ф. Певницкий.

Всю свою жизнь отдавший Академии, профессор В. Ф. Певницкий воспитал множество учеников и последователей. В этом смысле можно говорить о существовании целой гомилетической школы В. Ф. Певницкого — школы, существенно обогатившей нашу отечественную богословскую науку. Муж церковнейший, муж веры и благочестия, — эти и другие яркие черты личности выдающегося профессора делают его духовный образ привлекательным и для нынешнего, и для будущих поколений преподавателей и студентов Киевской Духовной Академии.

⁴¹ Там же. С. 374.